

Дмитрий Сухарев

Звёздочка, свети

Э то было миллион лет тому назад. Хорошо, не миллион, а — сорок. Вторая половина 1970-х, пионерлагерь МГУ «Юность». Тёплый вечер и вожатый с гитарой.

Тогда я и услышал балладу о *сладком миге*, написанную «от лица» наблюдательного пса, с которым пожилой хозяин отправляется на традиционную для обоих прогулку.

«Как хорошо, о боже мой, / Со стариком идти домой, / Покинув двор, где ты как вор и правит злоба / Старик поближе к огоньку, / А пёс поближе к старику, / И оба-два сидим и радуемся оба...» Так в моей жизни, пока ещё анонимно, появился Дмитрий Сухарев.

А в его литературной судьбе это была домашняя вещь, альбомная, не более того.

Нежная «Александра», написанная вместе с Юрием Визбором и прозвучавшая в фильме Владимира Меньшова «Москва слезам не верит», была услышана мною годы спустя. Как и знаменитая «Брич-Мулла». Да они и созданы были позже.

А *военных* песен Сухарева я тогда не знал.

...Меня со всех сторон предупреждают, что творчество Дмитрия Антоновича не сводится только к песням. Конечно же, не сводится, но увлеченно им в этих сочинениях «золотое сечение», то самое, что в одной из бесед он назвал «некой гармонической соразмерностью» (гармония-то обнимает любые жанры) — примечательно и надолго.

В 1990-м году поэт Владимир Корнилов (1928–2002) написал пронзительное стихотворение «Под капельницей» — о себе и стихах друга, «лирика Мити Сухарева».

«Где неосознанное создано» — есть там такая драгоценная строчка.

Дмитрий Сухарев — один из немногих стихотворцев, остающихся нынче «за старшего» в поэзии. Я о том старомодном искусстве, где стихи всё ещё называются стихами, а не «текстами». Кстати, сам Дмитрий Сухарев совсем не чужд поэтической игры. И ещё: для него в поэзии очень важен звук. Он ведёт свою родословную чуть ли не от Велимира Хлебникова, а его любимый поэт — виртуоз «скрытописи» Борис Слуцкий.

Сухарев, вослед Слуцкому, знает и понимает, что такое плата за мастерство.

Я выбирал стихи из четырехтомного собрания его сочинений, изданного в прошлом году. Гармоничного, светлого. ♠.

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок Ксении Наумовой

Утро

Вот первый луч, собрат луча второго,
Подрагивая, сохнет на стене.

Вот первое младенческое слово
Спросенок обнажается во мне.

Удел мой светел. Путь ещё не начат.
Я жду, я жду, сейчас настанет миг,
И позовут меня и крикнут:
— Мальчик!

А я не мальчик.
Я уже старик.

1963

Лес

Что ни говори, а лес лечебен.
Как мне было сумеречно — как!
Как я был раздавлен и унижен,
А вот в лес вошел — и вроде выжил,
Дышим, брат, а это не пустяк.

Как ни рассуждай, а мне, пожалуй,
Надо бы напасть перенести,
Будто впрямь гвоздище этот ржавый,
Что сидит, заклинившись, в кости,
Мне сулит не почернение крови,
А простое, скажем, нездоровье —
Пей таблетки, брат, и не грусти.

Так он, лес, блюдет себя на свете,
Хоть его и рубят и палят,
Что в любой беде тебя приветит
Благотворный свет его палат.
Не трудись над собственным над горем,
Мало ль бед в большом людском доме.
Палом жженный, срубленный под корень —
Оглядишь, не тошно ли кому.

1965

Известно ль вам, что значит — жечь
Стихи, когда выходит желчь
И горкнет полость ротовая?

В такой беде играет роль
Не поэтическая боль,
А боль животная, живая.

Сжигает птицу птицелов —
Гори, прозреньё! Сколько слов
Безвестно в пламени ослепло?

Известно ль вам, как стоек дым
Стиха — и как непоправим
Набросок в состоянье пепла?

Горят не рукописи — мы
Палим собой давящую тьму,
Себя горячим обливая.

И боль, которой мы живем,
Не поэтический прием,
Она — живая.

1980

А и Б

А: Поэзия есть обнажение смысла
 посредством движения звука.
 Напротив, бессмыслицей ведают числа,
 и это зовётся наука.
 Наука — мышинная, в общем, работа,
 подобье машинного счёта.
 Но можно расправить и крылья и плечи
 простейшими средствами речи.

Б: Ах, всё наизнанку! Поэзия — это
 пустая истома поэта,
 Потуга извлечь из мышиноного бреда
 своё петушиное кредо.
 А корень извлечь — это вправду работа,
 подобье машинного счёта.
 А крылья расправим и смыслы расчистим
 простым сопряжением истин.

1982

Музыка Бизе. Рождественская песня

Во хлевине ли, хлеву, в тесной клетке,
 родился у Марусеньки младенец.
 Люты, люты холода, зябко мальцу,
 дай, скотинушка, детинушке согреться,
 на него ли Марусеньке смотреть не насмотреться
 во клетке.

А в надземной во клетке, в небе зари,
 народилась младенчику невеста.
 Ты гори, звезда, гори, жарко свети,
 подымайся выше леса, выше гор,
 а ты, Мария, Марусенька, ты думою не майся
 по нему:
 не люты холода,
 не зябко во хлеву, —
 небесная звезда
 невестою ему,

Эй, ребята-овчары, ваша пора,
 ваши дудки белу свету для побудки.
 Вы гасите до поры ваши костры,
 вы порадуите младенчика дарами,
 ваши дудки-свирилы добрым людям для веселия.
 А ты,
 Марусенька, вздремни,
 маленько отдохни.
 А звёздочка свети —
 не холодно в клетке.

2005

Верный дурацкой привычке писать только то, что вижу,
 а не то, что надо,
 я вижу не то, что ближе, а то, что милей для взгляда,
 но так и надо.
 Ведь в этом и заключается, можно сказать, отрада.
 Можно сказать — награда.

2001

